

рабочего класса и его интернациональным знаменем. Они еще не отказались от надежды на моральную и политическую помощь со стороны их западных братьев, которые оказались настолько слепы, что оказывают всевозможную помощь олигархическому и анархическому режиму, повергнувшему Россию в пропасть и лишившему русскую демократию и русский рабочий класс всех человеческих прав до такой степени, о которой не мечтали даже во времена царской бюрократии. Факт, что у нас теперь нет другой прессы, кроме официальной большевистской прессы, совершенно неоспорим, а при царском режиме, даже во время войны, оппозиционные газеты, включая и газеты с социалистическими тенденциями, продолжали выходить.

Многие европейские товарищи, осуждая чудовищные кровавые поступки советского правительства, выражают мнение, что большевиков смягчает «колоссальная революционная миссия», которую они будто бы исполняют. Пусть социалистические партии Западной Европы выберут интернациональную комиссию, состоящую из представителей всех направлений, и уполномочат ее исследовать на месте же, в России, что такое на деле большевистский режим. Тогда — и только тогда — они будут в состоянии понять и увидеть, что *большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог.*

О большевизме и борьбе с ним ¹

Оценка, которую Вы даете большевистскому перевороту и большевистской диктатуре, всецело совпадает с той, которую дает и обосновывает О. Бауэр². С той только разницей, что у него она служит теоретической базой для санкционирования большевистского режима в России — на пользу Запада — и для отвержения его на Западе. Вы же признаете необходимость и обязательность для нас самой резкой борьбы против большевистской азиатчины. Так вот я и нахожу огромное несоответствие, прямо принципиальное противоречие между Вашей принципиальной оценкой исторического значения большевизма и той, в сущности, не просто

оппозицией, а войной, которую наша партия ведет против него. Такое противоречие должно, так или иначе, вредно отразиться на политической практике партии и вводить в соблазн или заблуждение нищих духом и слабым волей. Вы ссылаетесь на пример Великой французской революции, точнее, на якобинцев 93 года. Этим примером Меринг³, да не только социалисты, но и разные радикально настроенные буржуазные писатели, политики и простые буржуа-филистера (по разным мотивам), сейчас же после октябрьского переворота старались освятить переворот и все неистовства и варварства большевистской диктатуры. Я на эти ссылки и тыкания нам в глаза Великой французской революции отвечал: внешние черты сходства между режимом якобинцев и большевиков, несомненно, имеются, но сходство это приблизительно такое, какое существует между ловкой пародией и оригиналом, или между искусным подражанием грандиозному стихийному событию и самим этим событием. Подавляющее же большинство западных социалистов пошло еще дальше в идеализации октябрьского переворота: оно увидело в нем воскресение Парижской Коммуны, но только несравненно более величественной, в грандиозном, чуть ли мировом масштабе.

Я им на это отвечал, что и по непосредственным причинам и поводам, и по способам своего возникновения, и по составу и характеру парижской революционной власти, наконец, по всему своему режиму, власть эта, как и самая революция, вызвавшая ее к жизни, так глубоко отлична от большевистской диктатуры и переворота, приведшего к ней, что воспевать последнюю, как великое воскресение Коммуны, значит — совершать кощунство против социализма и самой идеи пролетарской диктатуры. Мое безусловно отрицательное отношение к попыткам санкционировать большевистский захват власти и азиатский режим большевистских правителей ссылками то на якобинскую диктатуру, то на Коммуну, нашло себе полное подтверждение в анализе Каутского, с фактами в руках доказавшего глубокую разницу между этими событиями и большевистской революцией.

Уже в поведении ленинской группы на первом Лондонском съезде нашей партии (летом 1903 г.) и вызванном ею на нем расколе я видел симптом зарождения внутри российской социал-демократии якобинских тенденций и мелкобуржуазного революционаризма. И сейчас же по окончании этого съезда, в Лондоне же,

я высказал товарищам это свое толкование внутреннего смысла и успеха нечаевско*-бонапартистской кампании Ленина против всех несогласно-мыслящих с ним. Но я при этом в «Искре» напомнил и слова Маркса о событиях, совершающихся дважды в истории: если первый раз как трагедия, то во второй — как фарс.

Но и эти фарсы исторические бывают различны. Большевистский якобинизм — это трагическая пародия на психологической основе геростратизма и «сверхчеловеческого» аморализма. Якобинцы достигли власти в результате стихийного хода Великой французской революции и, что особенно важно помнить, это — во-первых, что их практические цели и политика не состояли в непримиримом принципиальном и теоретическом противоречии с их мировоззрением, как это имеет место у большевиков; а во-вторых, что в лице якобинцев овладела властью не та или другая отдельная группа или революционная фракция, путем насильственного подавления и устранения от нее всех остальных групп революционной демократии, а наоборот, все ее составные руководящие элементы в совокупности.

* Нечаев был одним из видных представителей русского революционного движения 70-х годов прошлого столетия. Это движение было тогда еще в зародыше и охватывало, главным образом, даже почти исключительно, молодежь высших и средних учебных заведений Петербурга, Москвы и других университетских городов. Одаренный железной волей и неукротимой энергией, Нечаев не останавливался ни перед какими средствами для того, чтобы использовать эту учащуюся молодежь в качестве живого материала и слепого орудия его революционных целей. Ложь, обман, клевета против революционных деятелей, влияния которых среди радикальной и демократической интеллигенции он опасался; уничтожение моральное и политическое, вплоть до убийства влиятельных представителей этой интеллигенции, если они загораживали ему путь к неограниченной диктатуре над этими людьми — все казалось ему приемлемым для достижения своих целей. Он основал «ячейку», по отношению к которой он фигурировал в роли уполномоченного или одного из уполномоченных тайной международной организации, имеющей многочисленные разветвления. Он сумел так подчинить эту ячейку своей воле, что принудил ее членов убить одного из своих сотоварищей, которого он обвинил в шпионаже, тогда как этот последний был виновен только в том, что проявил некоторую самостоятельность по отношению к Нечаеву. Один из наиболее активных и наиболее влиятельных революционеров конца 70-х и начала 80-х годов левый эсер М. Натансон, умерший совсем недавно, рассказывал мне, что Нечаев угрожал ему доносом в 3-е отделение, если он не перестанет соперничать с ним во влиянии на радикальную молодежь... (Заключительная часть примечания в доступном нам тексте не читаема. — *Сост.*).

Большевики же узурпировали диктатуру, насильственно отстранив от власти всю социалистическую демократию. Они готовились к этому почти в течение 15 лет до революции, совершая государственные партийные перевороты и добиваясь бонапартистско-нечаевскими методами неограниченной диктатуры для Ленина и К° над русской социал-демократией. В этой многолетней борьбе за власть внутри последней ленинцы приобрели те навыки, довели до совершенства те демагогические приемы и методы, при помощи которых они с первых дней мартовской революции начали войну на жизнь или смерть со всей социалистической демократией с определенной целью — использовать все трудности ее положения для узурпации власти над страной исключительно в свои руки. И все это проделывалось под флагом марксизма, которому они уже до революции изменяли на каждом шагу. Но самой главной для всего интернационального пролетариата изменой их собственному знамени является сама большевистская диктатура для водворения коммунизма в экономически отсталой России — в то время, когда в экономически наиболее развитых странах царит еще капитализм. Вам мне незачем напоминать, что с первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полупримитивного капитализма прямо в царство социализма. И в этой борьбе Ленин и его литературные сподвижники активно участвовали. Совершая октябрьский переворот, они поэтому совершили принципиальную измену и предприняли преступную геростратовскую авантюру, с которой их террористический режим и все другие преступления неразрывно связаны, как следствие с причиной.

Большевизм зачат в преступлении и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии. Не из полемического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую компанию прямо как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии⁴. Такого же (по существу) характера методы и средства, при помощи которых ленинцы достигли власти и удерживают ее в своих руках. И все же мы должны были бы все это *in Kauf nehmen*⁵, если бы большевизм в такой же мере, как якобинизм в Великую французскую революцию, был у нас единственной силой, стремящейся последовательно выполнить исторические задачи российской революции. Если бы

большевизм был в самом деле таким же исторически-законным явлением, каким был якобинизм 1792–1793 гг., то наша партия, борющаяся против него, играла бы роль жирондистов в российской революции. Но ведь жирондисты представляли (конечно, не из корыстных расчетов или сознательной солидарности с капиталистами) не тот класс, представителями которого выступали якобинцы. А мы — противники большевиков именно потому, что всецело преданы интересам пролетариата, отстаиваем его и честь его международного знамени против азиатчины, прикрывающейся этим знаменем.

Коротко, если большевики и только они выполняют у нас надлежащим образом исторические задачи революции, как якобинцы свое время во Франции, то борьба наша против них по существу контрреволюционна. Наша прямая обязанность, наш революционный долг вступить в их ряды, и если уже делать оппозицию, то крайне осторожную, частичную и, разумеется, благожелательную.

Представители («радикалы») социалистического центра на Западе стараются этой идеологией, которая отводит азиатскому большевизму прекрасную роль «Горы», оправдать в своих фракционных национальных интересах противоречие в их отношении к русскому коммунизму, с одной стороны, и к коммунизму в Европе — с другой. Вы восстаете против моего определения (в «La République Russe») политики нашей партии по отношению к советскому режиму*. Я сравнил эту политику, состоящую в борьбе за «демокра-

* Речь идет о решении Центрального Комитета нашей партии, которое Мартов и еще один член Комитета мне сообщили и согласно которому все усилия партии должны быть направлены к борьбе за «демократизацию Советов». Читатель, без сомнения, знает, что после того, как лозунг «Вся власть Советам рабочих и крестьян!» был использован большевиками для того, чтобы совершить октябрьский переворот, большевистские вожди на деле свели эти слова к простой фикции, прикрывающей террористическую диктатуру, осуществляемую ими над пролетариатом и крестьянами. Выдвигая в своей антибольшевистской пропаганде на первый план «демократизацию Советов» вместо Учредительного собрания, руководители российской социал-демократии руководствовались, прежде всего, соображением, что полное осуществление их требований необходимо предполагает восстановление гражданских прав и свобод, завоеванных мартовской революцией и в силу этого равносильно ликвидации большевистской тирании. Я не критиковал это решение о замене лозунга «Учредительное собрание» лозунгом «Демократизация Советов».

тизацию» Советов с позицией либеральных «октябристов» в момент так называемых царистских «уступок» (эпоха «весны»). Признаю, действительно, что я зашел слишком далеко, используя термин «октябристы», так скомпрометированный, квалифицируя вашу тактику. Однако я нахожу и теперь известное сходство между политикой либералов царской эпохи в той мере, когда они рассчитывали победить бюрократический абсолютизм путем органического развития местного самоуправления, и той политикой, которая рассчитывает справиться с большевистским режимом при помощи «демократизации Советов». И эта политика относится к режиму, который лишает оппозицию какой бы то ни было возможности провести борьбу в широком масштабе за эту демократизацию! Я вижу это сходство в том, что в обоих случаях мы прибегаем к политике постепенного просачивания, которая, как мне кажется, на почве и в тисках большевизма имеет еще меньше шансов увенчаться успехом, чем во времена царского самодержавия.

Вы настаиваете на радикальной разнице между этой политикой и политикой либералов эпохи надежд и либеральных устремлений. Это различие, по-вашему, состоит вот в чем. В то время, как либеральная оппозиция являлась представителем другого, а не того класса, представителем которого был царский феодальный режим, — антибольшевистская социал-демократия борется теперь против власти, являющейся представительницей того же самого класса, как и социал-демократия. В этом последнем случае борьба ведется внутри одного и того же класса между двумя фракциями. Допускаю, но с оговорками, что такое положение вещей еще могло иметь место в первые шесть месяцев, максимум в течение года большевистского владычества.

Предположим на одну минуту, что я согласен с Вами. Какое же отношение имеет Ваш аргумент к нашему спору? Если бы новой тактике нашей партии я противопоставил бунтовскую, террористическую или военно-заговорщическую тактику, настаивая на подготовке вооруженного восстания, тогда я понимал бы аргументацию выдвинутого Вами принципа. Большевики, действительно (я не говорю о прежнем немецком большинстве), дали нам поразительный пример кровавой борьбы одной партии, так называемой пролетарской, против другой пролетарской партии. Я же с самого начала точно и энергично, как и наш ЦК, высказался не только против интервенции, но также и против методов военных заговоров

в антибольшевистской борьбе, против тактики, приспособленной единственно к подготовке вооруженного восстания. Соображения, которые мне подсказали эту точку зрения, были в действительности совсем другие, чем аргументация, развиваемая в Вашем письме. В данное время, однако, это неважно. Я нахожу только нужным подчеркнуть, кстати, следующее. Так как моя тактика в борьбе против большевизма в основе совпадает с Вашей и с тактикой нашего ЦК, я совершенно не понимаю Ваших возражений против аналогии, которую я привожу между политикой просасывания (употребляю это выражение за недостатком лучшего), применяемого партией и политикой некогда либеральной оппозиции. Не могу же я допустить, что Вы меня заподозриваете в симпатии к революционному авантюризму.

Но я против концентрации сил социалистической оппозиции и недовольных слоев демократических масс на подготовке и организации вооруженного восстания отнюдь не потому, что считаю последнее вообще незаконным, антисоциалистическим или антиреволюционным способом борьбы против власти, «представляющей тот же класс», что и вся социал-демократия, и вся социалистическая оппозиция. Во-первых, я отрицаю, что большевики представляют теперь — не в декретах и на парадных «конгрессах», а в действительности — пролетарские и крестьянские массы России. Уже два года тому назад я заявлял и на бернской конференции с полным убеждением повторял, что большевистская власть является диктатурой не пролетариата, а над пролетариатом (и крестьянством). А дальнейшее вырождение так называемой советской власти укрепило меня только в этом убеждении. Вы говорите, что нельзя свести большевизм к «господству люмпенов и садистов». Но Вы-то и другие друзья в России помните еще, что я уже непосредственно после лондонского съезда 1903 года бесконечно далек был от вульгарного объяснения тогда еще только зарождавшегося большевизма, а после по разным поводам указывал и подчеркивал его историческую подоплеку и его историческую сущность. Каутскому я формулировал свое отношение к большевизму в следующих словах: «Большевизм, во всяком случае, есть большое всемирно-историческое явление, которого нельзя объяснить наскоро, мимоходом. Я хотел бы иметь необходимое душевное спокойствие и достаточно свободного времени, чтобы углубиться в изучение его исторических корней». Но тут же заметил: «Но объ-

яснить и понять для меня вовсе не равнозначает с оправданием, санкционированием» и т. д. Болото, распространяющее заразные болезни, чумные микробы, отправляющие на тот свет сотни тысяч человеческих существ, великое землетрясение, разрушающее и уничтожающее целые города и населенные области, наконец, последняя всемирная война, нашествие гуннов или монголов и т. д. — все это очень внушительные явления, имеющие самые серьезные основания и объяснения, но отнюдь не вызывающие у нас благоговейного трепета. Человеческие действия, разрушающие самые основы общечеловеческой культуры и прогресса, индивидуумы и группы, воскрешающие варварство, жестокости, бесчеловечие давно прошедших времен, должны быть квалифицированы как низости.

Представление об историческом смысле большевизма, о наличии причин, вызвавших его на авансцену истории, ничуть не вытесняет из моего сознания того факта, что большевики достигли власти путем грубейшего, бессовестного обмана пролетарских и солдатских масс, средствами невероятно-демагогическими и преступными. И что охраняют они свою власть, с одной стороны, путем превращения одних элементов народа в своих преторианцев, других — путем развращения и превращения в привилегированное сословие, жизненно столь же связанное с большевистской диктатурой, как помещичье сословие и старое привилегированное чиновничество и офицерство с царским режимом, а с другой — террористическими средствами, неслыханным произволом и бесчеловечным подавлением слабейших проявлений недовольства подавляющего большинства народных масс и социалистической оппозиции. Я вполне допускаю, что за три года царствования большевиков люмпены, на которых они опирались в первое время, все или в огромном большинстве успели превратиться в почтенное сословие «убежденных» сторонников и охранителей большевистской власти. Но зато немалое число настоящих или полубольшевиков за эти годы превратились в моральных люмпенов, занимающих военные, полицейские и штатские высшие и низшие посты в военной и гражданской армии «советской власти». Не знаю, много ли «садистов» в этой армии или во главе ее. Но, признаться, вполне допускаю, что недоброй памяти Урицкий⁶ был садист, что Дзержинский⁷ чистейший психопат и что в бесчисленных чрезвычайках немало таковых мужского и женского пола. Допускаю,

с другой стороны, что сохранился еще очень небольшой контингент большевиков, верующих в необходимость и благотворность большевистского режима.

Деникинские, врангелевские и другие черносотенные банды столь же по-большевистски, а местами и еще более варварски, чем левые заправские большевики, расправляющиеся с населением «завоеванных» ими областей, польская оффензива⁸ — все это служит на пользу советской власти и парализует или ослабляет в некоторых кругах антибольшевистское оппозиционное настроение. Наконец, быть может — я не могу отсюда судить — в самом деле, и в некоторых численно ничтожных слоях населения, не входящих в состав привилегированных, проявляется даже нечто вроде большевистского патриотизма. Но при царском режиме ведь ⁹/₁₀ крестьянско-рабочих масс, если не больше, телом и душою преданы были царю и являлись опорой власти, угнетавшей, порабоцавшей их. И разве среди чиновничества, офицерства и дворянства мало было честных людей и искренних идеологов полукрепостнического строя? Однако никогда никому из революционеров и даже либералов не приходило в голову считать этот строй «народным», признавать царско-бюрократический абсолютизм или «диктатуру» диктатурой хотя бы одной только части народа (меньшинства), за освобождение которого от этой диктатуры они боролись. Точно или приблизительно такие аналогичные явления и в «Советской» России могут служить основанием для квалификации большевистского самодержавия как «диктатуры» хотя бы только одной части пролетариата. Революционная внешность, социалистическое прошлое теперешних наших самодержцев, их рекламно-революционное парадирование, при помощи которых они обманывают весь мир, налагают на нас тем большую обязанность вскрывать их преступное шарлатанство и сущность их диктатуры, которая на деле является диктатурой группы людей, деморализующей и организующей сотни тысяч вчерашних или позавчерашних рабочих, крестьян, солдат и всякого рода мелких буржуа в новое господствующее сословие, на которое они опираются и при помощи которого диктаторствуют над полуторастами миллионным населением, в том числе и над уцелевшими остатками нашего пролетариата.

Но я готов допустить, что, будучи за тридевять земель от России, да еще при полной отрезанности от нее, я ошибаюсь относительно морального характера и социальных сил, составляющих главную

армию и опору большевистской власти, что Вы гораздо лучший судья в этом отношении. Но, и допуская, что она действительно опирается на часть рабочих и крестьян, что она представляет хотя бы меньшинство, но все же меньшинство того же самого класса, жизненные интересы которого отстаивает и социалистическая оппозиция, я все-таки остаюсь при том убеждении, что в борьбе с этой властью мы имеем право прибегать к таким же средствам, какие мы считали целесообразными в борьбе с царским режимом.

Как! Разве знамя коммунизма дает иммунитет на варварское угнетение и закрепощение полутораостомиллионного населения? Разве оттого, что победоносная аракчеевщина торжествует свои оргии в коммунистическом облачении, она становится силой, менее дикой, менее варварской и менее бесчеловечно-жестокоей по отношению к трудящимся массам, чем аракчеевщина первобытная, чуждая всяких хитростей и современных идеологий?

И, наконец, если полумиллион или хотя бы миллион сторонников и охранителей большевистской диктатуры и принадлежит по своему происхождению в огромном большинстве к крестьянско-рабочей массе и к идейной интеллигенции, и состоит даже из людей, серьезно воображающих себя коммунистами и революционным авангардом всемирного пролетариата, призванным спасти все человечество, — разве это обстоятельство лишает это сравнительно ничтожное меньшинство многомиллионного населения характера неограниченно властвующего над ним сословия или класса, сменившего помещиков, царское чиновничество: офицерство и царских охранников? И если уже вооруженную борьбу против большевистской власти считать гражданской войной «внутри одного класса», то ведь вина за эту войну, пожалуй, еще в большей мере, чем за вооруженные восстания против царизма, падает или пала бы на безграничное самовластие большевиков. Железом и кровью подавляющих всякие усилия иными путями идти к ликвидации их аракчеевски-крепостнического режима. Тот факт, что законность или необходимость этого крепостнического режима мотивируется, хотя бы и искренно, соображениями революционно-социалистическими или коммунистическими, не ослабляет, а усугубляет необходимость войны против него на жизнь и смерть, — ради жизненных интересов не только русского народа, но международного социализма и международного пролетариата, а быть может, даже всемирной цивилизации.

И вот, несмотря на все это, я уже летом 1918 года, как только до меня дошли слухи — очень смутные и неопределенные — не то о попытках, не то о стремлении социалистической демократии (или некоторых элементов ее) вступить на путь вооруженной борьбы с большевиками, засел за статью под заглавием: «*Revolutionärer oder reaktionärer Umsturz*»⁹, в которой я пытался обосновать свое отрицательное отношение к этому пути. Но я исходил в своей аргументации исключительно из точки зрения целесообразности и интересов демократических масс и социалистической оппозиции, а отнюдь не с той, которую Вы теперь выдвигаете на первый план. Наше морально-политическое право на борьбу с большевиками всякими, хотя бы и военными средствами, являлось и является для меня предпосылкой, не требующей доказательств. И вытекающей из того факта, что «советская» власть также мало, как царская, или даже еще меньше, способна добровольно отказаться от своего деспотического режима и потому, как и последняя, осуждена на насильственное низвержение.

Но в то время как движения против царско-бюрократического самодержавия было и не могло быть ничем иным, как революционным, в движении антибольшевистском участвуют и элементы реакционные. И при царизме враги существующего режима распались на два лагеря: социалистический и буржуазный. Но как далеко буржуазная оппозиция ни отставала от социалистических партий, она все же была прогрессивна и, в широком историческом смысле, революционна. Потому, принципиально, для социалистической демократии допустима была, в известных пределах и случаях, и поддержка буржуазной оппозиции. Но на деле не социалисты ее поддерживали, а, наоборот, ей волей-неволей приходилось их поддерживать вообще и в деле подготовки пролетариата к доминирующей роли в революции в частности. Антибольшевистская же буржуазная оппозиция реакционна и стремится использовать падение большевиков для водворения диктатуры контрреволюции и для полного подавления всей демократии. Предупредить эту перспективу могло бы только самостоятельное широкое народное движение, которое сознательно направлялось бы к решительной ликвидации большевистской диктатуры хотя бы путем такой же или аналогичной оффензивы на «советскую» власть, какой низвергнута была царская власть. Но большевистский режим поставил народные массы и социалистическую оппозицию в условия,

бесконечно более тяжелые для развития самостоятельного движения в народных низах для подготовки их к победоносной атаке на существующую власть, чем царский режим. Буржуазная же оппозиция, наоборот, оказалась в гораздо более благоприятных условиях, чем при старом режиме для энергичной борьбы с существующей властью и для приобретения буржуазией в этой борьбе такой доминирующей роли, которая обеспечила бы ей полную победу над всей демократией в момент падения этой власти. И именно устремление всех или главных сил социалистической оппозиции на организацию вооруженных восстаний, на военные заговоры и т. п. — неизбежно должно было вести к такому исходу антибольшевистского движения (во избежание недоразумений подчеркиваю, что в этом пункте наши точки зрения всегда всецело сходились).

Но если избавление от «советской» диктатуры не может быть достигнуто без нового государственного переворота, а подготовка революционно-демократического переворота до крайности затрудняется, можно сказать, исключается самим положением, всей совокупностью условий существования пролетариата и социалистических партий под советским режимом, то сам собою навязывается вопрос: где же выход из этого тупика?..

Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики террористического подавления всякой самой мирной пролетарской и демократической оппозиции и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции. А так как о достижении такого интернационального вмешательства во внутренние дела Советской России ввиду всемирно распространенной иллюзии о пролетарски-коммунистическом характере большевистской диктатуры и думать нечего было, то, прежде всего, необходимо было подумать о пути и средствах к освобождению социалистических масс на Западе из плена у этой иллюзии. Отсюда — предложение социалистическим партиям (при участии синдикатов, конечно) совместно организовать и отправить в Россию большую интернациональную комиссию для разностороннего и основательного изучения действительного характера, функционирования и последствий советского режима и для ознакомления западного пролетариата с положением и настроением широких масс населения в России.

Помощь должна была выразиться, главным образом, в организации широкой, интернационально объединенной и энергичной кампании среди пролетарских масс Запада против большевистского варварства. И в настойчивом предъявлении руководящими центрами этих масс советской власти, от их имени, требований таких уступок социалистической оппозиции, которые делали бы для нее возможным легально отстаивать интересы российской революции и трудящихся масс. Такого рода энергичная интернациональная кампания подняла бы дух разочарованных, измученных гражданской войной, физически обессиленных хроническим голодом и потерявших веру в свои силы, народных, особенно городских, масс и влила бы в них надежду на серьезную помощь со стороны социалистического Интернационала. Уж одно это могло бы в очень значительной мере препятствовать зарождению и распространению в них готовности ждать спасения хотя бы от колчаковско-юденических банд и антантовской интервенции.

Поскольку же большевистские власти под давлением международной социал-демократии делали бы уступки социалистической оппозиции в России, для нее открывался бы хоть некоторый простор для легальной политической и организационной работы в демократических массах; она получила бы возможность спланировать эти массы вокруг своего знамени и вызвать к жизни самостоятельное народно-революционное движение, направленное против двух фронтов: и против внутренней реакции, поддерживаемой интернациональным империализмом, и против большевистской контрреволюции. В атмосфере внутреннего и международного социалистического движения против обоих этих врагов демократии и лозунг «демократизации Советов» мог бы временно, пожалуй, сыграть положительную революционную роль, как средство особенно яркого изобличения перед всем миром всей лжи и лицемерия советских диктаторов. И очень может быть, что на упорном сопротивлении демократизации Советов большевики сломили бы себе шею. Это была бы особенно жестокая, но вполне заслуженная кара со стороны истории*.

* И, однако, это будет для большевиков наиболее благой исход, ибо в переходный период демократической ликвидации большевистского режима победоносная социалистическая оппозиция будет, разумеется, стараться спасти их жизнь от мщения возмущенных масс.

Но о выступлении западной социал-демократии против тиранической диктатуры большевиков в России и теперь еще приходится говорить только, как о чем-то желательном и необходимом для спасения русской демократии и ее завоеваний в февральской революции*.

Вы, как и я, знаете о жалкой роли правого крыла Интернационала по организации международной анкеты в России и Вы знаете, с другой стороны, как предательски вели себя в этом деле лидеры «левых», экстремисты и центристы. Одни грешили безразличным и небрежным отношением, в то время как другие принимали все меры к дискредитированию, сознательно саботировали самое предложение об организации этой анкеты. Как те, так и другие предпочли ухватиться за работу более простую, а при создавшихся условиях и более легкую, бороться исключительно против военной интервенции и против помощи Колчаку, Юденичу, Деникину и др.

Отступая перед международной социалистической интервенцией, направленной против политики большевистской, подавляющей террором социалистическую оппозицию и всякие проявления недовольства масс, даже санкционируя эту политику, наши западные товарищи в действительности ослабляют силу даже сопротивления реакционной политике правительств Антанты в отношении России. Что же касается принципиальной оценки, которую Вы даете большевистской диктатуре и которую так заботливо мотивирует О. Бауэр, то она дарует теоретическую санкцию двусмысленной и объективно предательской позиции международной социал-демократии в этом основном вопросе настоящей русской действительности.

Возведение большевизма на степень якобинства Великой Революции, но с еще большим историческим значением способствует укреплению, увековечиванию среди европейского пролетариата легенды о великой пролетарской и коммунистической миссии большевизма, легенды роковой не только для России, но и для международной социал-демократии. Благодаря этой иллюзии, наши красные Аракчеевы пользуются престижем среди западных революционных масс и могут претендовать на исключительное господство, на диктаторскую гегемонию в международном революционном

* Необходимая также и международному пролетариату, как я неоднократно подчеркивал в моих интервью и статьях.

движении. Дезорганизация этого последнего, идейный разброд, понижение морального и политического уровня социалистических масс — вот к чему ведет влияние, испытываемое на массах диктаторами-большевиками.

И, в довершение несчастья, это влияние позволяет главарям международной реакции собирать вокруг себя под антибольшевистское знамя не только капиталистическую буржуазию. Но также элементы полупролетарские, даже отчасти элементы чисто пролетарские. Собирать на борьбу «именем культуры, цивилизации и свободы» против всей международной социал-демократии, дезорганизованной и ослабленной**. Вот почему я так решительно восстаю против идеализации О. Бауэром и отчасти Вами большевистской захватной власти и большевистской диктатуры в России.

Теперь несколько слов об Интернационале. Прежде всего, необходимо точно разобраться в одном очень существенном факте. Вы говорите, что Ваше решение покинуть «старый» Интернационал было вызвано, главным образом, общим настроением «остатков», «единственная вещь, которая их скрепляет, были соображения и интересы национальные, взявшие верх над социальной сущностью рабочего движения». В связи с этим вы перечисляете серию народностей, которые пользовались II Интернационалом, главным образом, в целях обеспечения себя поддержкой их независимости, укрепления их внутренней позиции и пр. Но в действительности литовцы, чехи, Поалей-Цион и даже, если я не ошибаюсь, финляндцы, покинули II Интернационал. Во всяком случае, ни одна из этих народностей не послала делегатов на Женевский конгресс. И во время конференции в Люцерне делегаты всех этих народностей, включая сюда и палестинских евреев, шли вместе не с — «правой», а с «левой» и центром (я не помню голосования и позиции финляндцев). В Женеве не было даже армянской делегации**. Что же касается бельгийцев и поляков, то их интересы более энергично поддерживаются Интернационалом Антанты. Эти последние нации не нуждаются в какой-либо международ-

* Вы, надеюсь, не станете меня подозревать в том, что я забываю первоначальную причину этих явлений: война, которую вели большевики на мировой и исторической арене, и создала атмосферу, позволяющую им подчинить своему влиянию трудящиеся массы всего мира.

** Равным образом отсутствовали «широкие» социалисты Болгарии, которые не были представлены и на конференции в Люцерне.

ной пролетарской поддержке, и в критический момент, когда большевики наносили поражения полякам, Дашинский¹⁰ призвал не II Интернационал как таковой, а обратился с письмом в «L'Humanité» *, т. е. главным образом, если не исключительно, к партиям, покинувшим II Интернационал. Кампания же против помощи, оказываемой Антантой Польше, велась одинаково активно как «остатками» II Интернационала, так равно и его противниками. Во главе этой кампании стояла английская Рабочая партия и активную роль играла та же самая бельгийская партия, которая, согласно Вашей априорной гипотезе, должна была остаться во II Интернационале по своим национальным соображениям, прежде всего. За исключением Армянской республики¹¹, ни одно из демократических государств, вновь образовавшихся, не имело такой настоятельной нужды в защите международного пролетариата, как Грузия. И если у наших грузинских товарищей национальные соображения превалировали над интернациональными, то чтобы снискать симпатии и добиться поддержки левых и большевистствующих элементов, которые господствуют теперь среди пролетариата, они должны были бы, в свою очередь, тоже покинуть II Интернационал. Что, конечно, не лишило бы их поддержки со стороны «остатков» старого Интернационала во главе с английской Рабочей партией и международного центра, группирующего в Амстердаме могучие профессиональные организации. То, что наши грузинские товарищи, эти испытанные в многолетней революционной борьбе бойцы, ныне поставленные во главе грузинской республики, стараются добиться сочувствия международного пролетариата в пользу своего отечества, которому постоянно угрожает империализм Москвы и Антанты, — это не только не противоречит международным интересам пролетариата, но, наоборот, диктуется этими интересами.

В самом деле, что больше соответствует интересам социалистической и пролетарской демократии, как русской, так и международной, существование такого пролетарского оазиса в одном из отдаленнейших уголков, либо пограничные области старой русской империи, население которых бьется и гибнет в невыразимых страданиях, угнетаемое азиатским режимом то красным, то неприкрыто контрреволюционным?

* Тогда органу «централистов».

Разве не в интересах международной социал-демократии защитить целостность этой республики действительно пролетарской против варварских попыток этих непримиримых врагов всякой истинной демократии?

Грузия являет собой поистине поразительный пример страны экономически отсталой, где политически управляет рабочий класс, в совершенстве понимающий, что страна только вошла в демократическую и буржуазную стадию своего развития. И что социальные и политические проблемы пролетариата объективно определяются историческими рамками и природой этой фазы развития. Однако социалисты даже тех демократических республик, где пролетариат не у власти и которые — таковы Эстония и Латвия — находятся под постоянной угрозой сделаться добычей международного империализма либо быть раздавленными русской контрреволюцией, будь то под красным знаменем большевиков или под белым знаменем черносотенцев, — социалистические партии этих стран, по-моему, имеют законное право, даже обязанность заботиться о том, чтобы Интернационал взял под свое покровительство их жизненные интересы против угрожающих извне опасностей. Обращаясь к Интернационалу, как к высшей инстанции, для разрешения международных конфликтов и для защиты слабых национальностей, даже самому существованию которых угрожает опасность, социалистические партии этих народов ставят всю их внешнюю и внутреннюю политику под непосредственный контроль международной социал-демократии и тем самым способствуют укреплению и углублению международных связей пролетариата. Здесь, как во всяком человеческом деле, некоторые заблуждения, ошибки, отклонения от положения, соответствующего социалистическим принципам, всегда возможны. Но единственная гарантия против попыток, откуда бы они ни исходили, проэксплуатировать интернациональный пролетариат, преследуя интересы национальные в ущерб интересам международным и социалистическим принципам, не состоит в огульном непризнании этих национальных интересов, которые являются естественными последствиями исторического развития и еще глубоких корней национального индивидуализма в объективных условиях среды. То, что действительно необходимо, так это воспитывать среди международных пролетариев общественное мнение, которое вызывало бы живой интерес к положению и нуждам

слабых наций и их рабочих масс и которое это положение и нужды действительно понимало бы.

Как бы то ни было, Ваша ссылка на место, которое занимает национализм у целого ряда рабочих партий и Интернационала, не может быть доказательством для оправдания выхода из этой организации, так как Ваш взгляд не соответствует фактам. Большинство партий, о которых идет речь, уже покинули II Интернационал, другие же, как польская и бельгийская, не имеют нужды в его помощи и его специальном покровительстве.

Вы гораздо ближе к истине, когда говорите, что II Интернационал работает, главным образом, «по укреплению связей чисто формальных между различными секциями рабочего класса». И Вы совершенно правы, заявляя, что такая работа, только одна эта работа, не может быть достаточной, чтобы создать силу, способную управлять мировым движением и отвлечь симпатии рабочего класса от московского центра. Но на кого же падает ответственность за то, что поле действия старого Интернационала или, выражаясь точно, его центра так сузилось? По-моему, это вина, главным образом, тех фракций, групп и отдельных лиц, национальное и международное действие которых, далекое от стремлений к восстановлению единства в лагере международного пролетариата, скорее добивается разрушения этого единства. Их лозунги, призывающие «раскалывать», «дробить», «чистить» старые рабочие организации, превратить в развалины старые цитадели рабочего класса, чтобы воздвигнуть — естественно — новое большевистское или полубольшевистское здание. Все это наступление, достойное Антанты, направленное разрушительными силами против старой социалистической культуры, питает, поддерживает и укрепляет в противоположном лагере целую тенденцию сохранить, спасти единство пролетарского фронта, завязывая покрепче «чисто формальные связи» между различными секциями пролетариата.

Конечно, одни усилия закрепить «чисто формальные связи» не могли бы создать ни силы, способной управлять мировым движением, ни ликвидировать кризис Интернационала. Что средства формального или технического характера не могли преодолеть глубокого кризиса, которым война и тактика социалистических партий во время этой мировой катастрофы угрожала международной социал-демократии, на этом я настаивал уже в моей немецкой брошюре летом 1915 г.¹² и затем в письме к русским товарищам

после конференции в Кинтале. Письмо это тоже появилось в печати брошюрой летом 1917 г.¹³ Но если чисто формальные связи между различными отрядами пролетарской армии не обеспечивают сами по себе боеспособности этой армии, то отсутствие таких связей исключает всякую международную организацию революционной борьбы пролетариата. Существование формальных связей между этими национальными классовыми организациями составляет условие *sine qua non*¹⁴, необходимое предисловие для развития в своей среде активной силы, способной управлять мировым движением. Казалось бы, товарищи, полагающие, что они лучше понимают настоящие задачи международной социал-демократии, чем вожди II Интернационала, должны были бы точно рассудить, что их обязанность остаться в этом Интернационале и сконцентрировать все свои силы и всю их энергию, чтобы поставить его на путь, ведущий к разрешению этих задач. Централисты же, или, вернее, их вожди, вдохновляемые и подталкиваемые большевиками, т.е. анархо-бланкистами специально русской разновидности с Лениным во главе, расходуют все их силы и всю их энергию, чтобы довести до логического конца как объективно разрушительную работу войны, так [и] абсолютно разрушительное дело ленинской гвардии по отношению ко II Интернационалу. И, в конце концов, по отношению к классовому движению международного пролетариата.

Мировая катастрофа глубоко потрясла Интернационал, она отняла у него возможность и способность действовать, она ослабила его, но она все же не убила его. Неустанные усилия ряда социалистических поколений, громадная историческая работа, которую они совершали в течение долгих лет, привела к созданию международной организации, и последняя пустила столь глубокие корни, что даже такая разрушительная сила, как длительная мировая бойня, была бессильна разрушить ее, стереть с лица земли. И то, что не могла сделать эта страшная разрушительная сила, централисты совместно с анархистами-бланкистами, большевиками, считают своей обязанностью выполнить.

Конференция в Люцерне единодушно или почти единодушно приняла резолюцию о созыве конгресса в Женеве. Но вместо того, чтобы явиться туда, как это было решено в Люцерне, чтобы разобраться с инакомыслящими товарищами в современных вопросах, касающихся международной социал-демократии, германские и французские централисты предпочли вопреки договору объявить

о формальном разрыве со II Интернационалом и давать сигнал к расколу целому ряду национальных секций. Положительный лозунг, именем которого был совершен этот род переворота, говорил и продолжает говорить: «реконструкция» Интернационала в полном согласии с Москвой. И чтобы провести в жизнь этот лозунг, уже давно проектируют конгресс социалистических партий, совершенно порвавших со II Интернационалом, формально же еще не присоединившихся к III Интернационалу.

Весь этот прекрасный план ведет, однако, не к «реконструкции», но к новым расколам, к расширению и увеличению разногласий, распрей в рядах революционного пролетарского движения. Он, безусловно, способствует увековечению этого интернационального кризиса, который не позволяет революционному пролетариату противопоставить единый и сильный фронт реакционным силам международного капитализма и империализма, собирающимся для нового крестового похода против социализма.

Уже первые шаги, точнее, предварительная попытка на пути «реконструкции» достаточно реально выявила эту объективную тенденцию лозунга наших «реконструкторов». Когда дело идет о партиях, выделившихся из II Интернационала, диктаторы Москвы и Петрограда и слышать не хотят о переговорах равного с равным, на основе равноправия договаривающихся партий. С гордым презрением они отвергают даже мысль о реконструкции. Угрожающим и гневным тоном они требуют от западных социалистов, недавно припадавших перед ними на колени и певших им хвалебные гимны, полного подчинения и присоединения к их Интернационалу. На условиях, которые им предлагает Москва, а не на тех, которые можно было бы совместно выработать с «реконструкторами» как с товарищами, обладающими равными правами. Одно из этих условий, условие абсолютное и *sine qua non*, состоит в том, что партии, стремящиеся к союзу с большевиками по организации нового Интернационала, должны быть радикально «вычищены» от всех их вождей, которых Ленин и К° рассматривают как недостаточно преданных и подозрительных. Нетрудно заранее предсказать, что осуществление этого домогательства должно неизбежно вызвать откол значительных групп от этих партий и даже довести их до полной дезорганизации.

И это не все. Объявляя себя «Коммунистическим Интернационалом», советские диктаторы предписывают всем партиям,

пытающимся объединиться с ними, политику разрушения, наиболее неумолимую по отношению к рабочим профессиональным организациям как национальным, так и международным. Чтобы быть допущенными в лоно интернациональной церкви анархо-бланкистских большевиков, эти партии должны обязаться работать систематически и с энтузиазмом по разрушению сверху донизу наиболее грандиозных пролетарских цитаделей, созданных в течение долгих лет целыми поколениями пролетариев в чисто классовый, иногда поистине героической борьбе против капиталистов. Легко представить себе гражданскую войну, ужасные распри, наконец, хаос, которые проникли бы повсюду в среду рабочего класса, если бы «реконструкция» совершалась на базе безоговорочного присоединения центристских партий к III Интернационалу. И совершенно естественно, что пред лицом этой опасности, ультиматумы Ленина, Троцкого и К° вызвали, можно сказать, настоящую панику среди наиболее разобравшихся, в чем дело, лидеров центристских партий и групп. Некоторые из них были преданы анафеме и осуждены диктаторами III Интернационала на изгнание за их контрреволюционные устремления к союзу с буржуазией и пр., и пр. И скольким из них угрожают тем же самым, обвиняя их в соучастии, хотя бы косвенном, и снисхождении к первым?

Все эти кандидаты на «отлучение», а также и другие лидеры центристов, которые еще не совсем потеряли свой политический разум и у которых чувство ответственности не совершенно атрофировано, сильно смущены и должны в глубине души проклинать большевиков и их «Интернационал». Но они считают себя слишком связанными всей их предшествующей политикой по отношению к большевикам, чтобы осмелиться решительно порвать с ними. Невероятно трудно решительно пойти этим путем после того, как в течение трех лет и изо всех сил усердно соперничали с большевистскими агитаторами на Западе в прославлении большевистской диктатуры, как диктатуры русского рабочего класса, открывающую всеобщую триумфальную эру коммунизма. В течение долгого времени центристские элементы возносили до небес власть и советский режим, в головы рабочих, потерявших под влиянием мировой катастрофы свое душевное равновесие и ужасно возбужденных революционными событиями, внедряли мысль, что большевики были авангардом всеобщей пролетарской революции, а их вожди — освободителями, предназначенными избавить все человечество от ига капиталистов;

этим самым центристы в сильной мере способствовали созданию в рабочих массах того настроения, которое не допускает «реконструкции» Интернационала вне московского Интернационала во главе с русскими правителями из Москвы и Петербурга.

Центристские вожди, оказывающие сопротивление диктаторским намерениям Ленина и К^о по отношению к западному пролетариату, вынуждены, таким образом, ограничиваться критикой некоторых условий допущения в III Интернационал и стараются путем торга добиться смягчения или отмены таких условий, наличие которых уничтожает даже намек на «автономию» договаривающихся партий. Но большевики крепко придерживаются девиза *sic volo, sic jubeo*¹⁵ и ничего не хотят слышать об уступках. С другой стороны, очень сомнительно, чтобы в самих реконструкторских партиях можно было достигнуть единства взглядов относительно максимума или минимума уступок, на которые можно было бы пойти в связи с большевистскими притязаниями. Не следует упускать из виду, что центристы организованы в одну независимую партию, не считая Английской независимой Рабочей партии, только в Германии. И даже здесь большинство партий выделилось и пошло на объединение с коммунистами, лишь только оппозиция ясно высказалась против абсолютного подчинения приказам большевистского Интернационала. Я, впрочем, далеко не уверен, что среди оставшихся в партии членов не существует большой разницы во взглядах относительно условий допущения в московский Интернационал и домогательств его русского центра.

Что же касается партий, которые, совсем выйдя из II Интернационала, сохранили свое организационное единство и охватывают собой все течения социал-демократии, тот кавардак, который у них существует вокруг этого вопроса, представляет поистине вавилонское столпотворение.

В этих партиях, или, по крайней мере, в большинстве из них, находятся, прежде всего, определенные «коммунисты», которые фактически уже принадлежат к III Интернационалу. Затем часть, довольно многочисленная, таких, которые в их совокупности образуют центристскую фракцию в собственном смысле этого слова и склоняются в сторону III Интернационала, как, например, это сделали «левые» независимые в Германии, в то время, как формально они принадлежат еще к независимой партии. И даже среди членов действительной центристской оппозиции

не все еще потеряли веру в коммунистический мессианизм в такой мере, чтобы с радостным сердцем окончательно порвать с большевиками вследствие их исключительных домогательств. С другой стороны, имеется достаточно центристов, которые скорее из-за боязни, чем из убеждения, а также вследствие удушливой атмосферы, созданной демагогической кампанией большевиков, только афишируют ради формы свои желания реконструировать Интернационал в тесном союзе с большевистскими вождями. Я не говорю уже о членах партий, которые принадлежат к правому, или так называемому правому, крылу и которые очутились среди центристов, повинувшись формальному решению большинства партии. Но и в самом лагере центристов не все искренне порвали со II Интернационалом; наоборот, некоторые из них в глубине души своей с ним. И даже такие видные представители Независимой Рабочей партии (английские центристы), [как] Макдональд¹⁶, Ф. Сноуден¹⁷, принимали участие в Женевском конгрессе. Что же касается австрийской партии, то значительное число ее вождей кажется более близки ко II Интернационалу, чем к настоящим реконструкторам. Впрочем, правящие группы австрийской партии представляют нечто довольно своеобразное. У себя они «умеренные» и не без основательных причин, насколько я могу судить о положении вещей в Австрии и о внутренней жизни ее рабочей партии. Как бы ни было, я не имею смелости ни осуждать их внутреннюю политику с высоты абстрактных принципов, ни обвинять их в «сотрудничестве классов», «крайнем оппортунизме» и пр. Но со всем тем они находят способы появляться на международной сцене в роли чрезвычайно строгих судей в отношении групп и социалистических фракций, атакуемых так называемыми левыми за их прежние грехи, в которых многие, быть может, даже большинство этих левых, так же виновны за их политику, основанную, как и политика австрийского центра, на учете реальных сил и объективных возможностей. Если даже тенденции, которыми проникнута политика австрийских товарищей, абсолютно заслуживает осуждения с точки зрения абстрактного и вульгарного радикализма, то не вожди же австрийского центра должны вынести это осуждения и таскать дрова для большевистского аутодафе, чтобы сжигать на нем старый Интернационал и оставшиеся в нем партии.

Если Вы точно представляете разнородность, противоречия, я сказал бы даже хаос мнений, направлений, симпатий в партиях,

покинувших II Интернационал, если Вы примете во внимание соотношение сил, разнообразие степеней влияния групп, воплощающие в себе конкурирующие внутри партий течения, то Вы воскликнете: пытаться путем объединения всех этих элементов между собой и Москвой реконструировать как-нибудь Интернационал для управления всеобщим революционным движением — это значит захотеть примирить непримиримое и вообще предаться несбыточным мечтам. Какая бы группа ни одержала в этой борьбе победу, будь это приверженцы абсолютного подчинения притязаниям диктаторов из III Интернационала или, наоборот, центристы, страдающие правизной, это, в сущности, не меняет дела. В том и другом случае эти попытки «реконструкции» только отягчат кризис международной социал-демократии.

Чтобы закончить, я остановлюсь на Вашем очень верном замечании по поводу «базы», которая позволила бы всем центристам присоединиться к III Интернационалу. Вы говорите: «Если бы немцы, французы, швейцарцы, англичане, присоединяясь к III Интернационалу, расширили свои кадры, то это могло бы случиться на той же почве, на которой держится, по молчаливому соглашению, II Интернационал. Допустим, на почве взаимного страхования от обоюдного контроля вы потерпите наши избирательные придатки и другие оппортунистические добавления к нашей ультрареволюционной фразеологии, а мы закроем глаза на оборотную азиатскую сторону вашей системы Советов». Однако «демарши», усилия заставить смягчить, видоизменить или, еще лучше, совершенно упразднить драконовские условия допущения в московский Интернационал, разве это не ограничит по существу взаимное страхование от обоюдного контроля? Ведь подавляющее большинство вождей центра жадно бросилось бы на компромисс, который Вы допускаете в Вашей гипотезе, если бы только русские господа III Интернационала под давлением внешних обстоятельств нашли бы полезным и возможным для себя сделать эти уступки; если бы только они сообразовали согласиться на смягчение 21-го пункта и отказаться от других, наиболее драконовских, наиболее неприемлемых для людей, не желающих ни себя, ни революционный пролетариат подчинять приказам советских диктаторов.

Центристские вожди до самого последнего времени закрывали глаза и затыкали уши, чтобы не видеть и не слышать правды

о режиме этой власти. Делалось все, что можно, чтобы плач и стоны народных масс Советской России, измученных длительным голодом, не доходили до западноевропейского пролетариата, ибо эти стоны, эти протесты пролетарских социалистов против большевистского варварства заставили бы камни возопить. Центристская же пресса, агитаторы и политические деятели центра квалифицировали все это как буржуазную ложь, вероломную клевету, распространяемые империалистами и всякого рода контрреволюционерами. Недостаток смелости части наших западных товарищей по отношению к оборотной, азиатской стороне советского режима, их предумышленное желание скрывать эту оборотную сторону от социалистических масс, их господствующее настроение в пользу фракционных интересов и национального эгоизма — все это разве не проявилось блестяще в том факте, что их пресса глубоким молчанием обошла Вашу брошюру против террора, опубликованную во французском переводе?

Это один из бесчисленных примеров положения, предательского по своему объективному значению, которое центристы заняли по отношению к настоящей русской революции; это равным образом доказательство преступной индифферентности к неслыханным страданиям жертв азиатского режима большевиков. И это еще не все: даже резолюции нашего Центрального Комитета и его различные декларации, которые категорически выражают теоретическую и тактическую линию нашей партии (против интервенции и пр.), никогда не печатались центристами, если они хоть немного выявляли выпукло характер чисто социалистический и революционный этой партии, всецело осуждающей большевистскую диктатуру. Но если московское радио, посланное по какому-либо поводу советским правительством, информировало мир о декларации или заявлении нашей партии, сделанном в смысле резолюций, о которых идет речь, и для проведения их в жизнь, тогда социалистическая пресса «левая» (не исключая и прессы центристской) спешила порадовать читателей, объявляя им о «капитуляции» меньшевиков перед большевиками*.

* И саботаж самой идеи о международном социалистическом обследовании России не внушен ли инстинктивным страхом увидеть в республике Советов жестокую истину, которая разрушит все расчеты и все надежды на мировую социалистическую и революционную миссию большевизма?

Если я упоминаю об этом, то не из чувства реванша, которое я считаю вредным, деморализующе и дезорганизующе действующим на международную социал-демократию. Так было, когда этим чувством вдохновлялись по отношению к социалистам, повинным в том, что во время войны они грешили национальным патриотизмом, хотя потом они и возвратились к принципам классовой борьбы. Но центристы* и по настоящее время сохраняют из принципиальных соображений их прежнее отношение к «внутренним делам» большевистской России. Они стараются добиться «автономии»; при [этом] одни из них хотят более широкой, другие поуже, третьи самой минимальной, но требуют они ее только для себя, для своих партий, им и мысль в голову не приходит добиваться аналогичной автономии и для русской социал-демократии, для русского пролетариата. Они считают совершенно необходимым сохранить независимость их прессы в отношении приказов и декретов из Москвы. Что же касается русских товарищей, то они прекрасно могут обойтись и без прессы. В общем, центристы полагают, что для западноевропейских социалистов права и элементарные свободы «человека и гражданина» так же необходимы, как воздух, пища и свобода движения для отдельной личности, русская же социал-демократия, русский социалистический пролетариат пусть устраиваются, как хотят, обходятся без первобытных условий существования и развития политического организма партии и рабочего движения.

«О, вы, самодержцы Советской России, даруйте нам, нам, центристским партиям Запада, некоторую автономию, не лишайте нас, нас и наш пролетариат, прав и свобод, которые вырваны нами у буржуазии, потерпите наши избирательные придатки и другие прибавки к нашей ультрареволюционной фразеологии; взамен мы закроем глаза на все ужасы, творимые большевиками в России, на порабощение а la Аракчеев масс, на деспотическое истребление варварскими и террористическими средствами всех завоеваний мартовской революции; мы будем хранить наше терпимое и безразличное отношение к страданиям, которые советская власть заставляет претерпевать русский народ; мы даже пропоем этой власти торжественные гимны именем русской и мировой революции». Такова та объективная изнанка, скрытый смысл

* За некоторыми индивидуальными исключениями.

центристского торга по поводу двадцати одного пункта. И это будет не вина центристов, если этот торг не приведет к реконструкции Интернационала на основе такого рода «взаимного страхования от обоюдного контроля».

Принципиальная санкция этого взаимного страхования содержится в теории О. Бауэра, который не приемлет большевизма для стран с высокоразвитой цивилизацией, но в отсталой России считает законной и оправданной азиатскую основу ее правительственной системы. Т. е. системы удушения русской революции, деморализации, уничтожения ее пролетарского авангарда, нового порабощения масс и полного разрушения громадной страны с ее культурными богатствами. Если принять во внимание, что центристы рассматривают большевистскую диктатуру в России как неиссякаемый источник, как побуждающий стимул для революционного сознания (характера, правда, достаточно сомнительного), как стимул энергии рабочих масс всего мира, то надо согласиться, что действуют вполне логически и последовательно одни лишь те из центристов, которые и по настоящее время готовы закрыть глаза себе и рабочим массам, чтобы самим не видеть, и другим помешать видеть азиатскую оборотную сторону советской системы, со спокойной совестью сговориться о реконструкции под их знаменем и под их защитой, сговориться о реконструкции III Интернационала ценой наиболее полной терпимости по отношению к их режиму рабства в духе Аракчеева, подавляющему всю Советскую Россию.

